

Митрополит Иларион: Компьютерная зависимость – серьезная проблема, из-за которой распадаются семьи

6 октября 2018 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на канале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Это программа «Церковь и мир», в которой мы беседуем с председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополитом Волоколамским Иларионом. Здравствуйте, владыка!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: Владыка, как известно, есть такая программа, которая называется «Программа 200». Согласно этой программе, по инициативе Святейшего Патриарха и мэра Москвы в городе будет возводиться по 10 храмов в год. На фоне этой программы, ее бурного обсуждения Святейший Патриарх призывает не гнаться подрядчикам за сроками в ущерб качеству, строить больше основательных, долговечных сооружений, например, меньше деревянных храмов. Не означает ли это, что православные деревянные храмы в столице вообще отойдут в прошлое? Как сейчас действительно обстоит дело с качеством сдаваемых храмов?

Митрополит Иларион: Самое важное, что эти храмы строятся там, где этого хотят люди. Прежде всего, храмы строятся там, где люди живут, потому что исторически так сложилось, что в центре Москвы очень много храмов, но в центре сейчас почти никто не живет. Люди ездят на работу в центр, а по субботам и воскресеньям предпочитают проводить время в семье по месту жительства. А в наших так называемых спальных районах храмов по-прежнему очень мало, их не хватает, храмы переполнены, люди приходят с детьми, с семьями и иной раз, подойдя к двери храма, видят, что туда уже невозможно войти, потому что он переполнен. Вот почему храмы строятся сейчас именно в спальных районах.

Если же говорить о качестве строительства, то каждый построенный храм принимает комиссия, которая состоит из профессионалов в строительном деле. Также в комиссию входят и представители Церкви. Вполне естественно, что храмы строятся высокого качества. Деревянные

храмы, конечно, тоже будут строиться. Было время, когда чуть ли не у каждой станции метро на скорую руку возводился деревянный храм и это, конечно, решало проблему в краткосрочной перспективе. Но если говорить о долгосрочной перспективе, тогда должен быть построен каменный храм, который простоит много веков.

Е. Грачева: Как выясняется, не только православным не хватает домов молитв. Глава Федерации еврейских общин России Александр Борода жалуется на нехватку синагог в столице. И общины собираются открывать в столице около 20 синагог в разных районах города. Правда, он говорит, что это произойдет не за один день, а на протяжении какого-то времени. Если, скажем, Православная Церковь и иудейская община претендуют на одну и ту же площадку в том или ином районе Москвы, как этот спор разрешается? Происходит тендер, договариваются миром? Были ли примеры, когда, скажем, через суд приходилось определять?

Митрополит Иларион: Мне не известны не только случаи, чтобы судились Православная Церковь с иудейской общиной, но и случаи, чтобы две общины претендовали на одну и ту же территорию. На моей памяти такого не было. Я сомневаюсь, что это когда-нибудь может случиться, в том числе и потому, что к православному храму и к синагоге предъявляются очень разные требования.

Часто синагога функционирует как дом собраний, представляя собой подобие домового храма, то есть это может быть квартира в жилом доме. Православные домовые храмы существуют при больницах, при каких-то учреждениях, но все-таки полноценный православный храм, который строится для прихожан, не связанных с тем или иным учреждением, возводится как отдельное здание. Более того, это, как правило, целый комплекс зданий, потому что помимо храма еще как минимум должен быть один приходской дом, где будет священник, где будут проводиться трапезы, будут занятия воскресной школы. А в некоторых случаях это и целый комплекс зданий.

Е. Грачева: Минздрав России предлагает увеличить возраст продажи алкоголя до 21 года. Что Вы думаете об этой инициативе?

Митрополит Иларион: Думаю, что Министерство здравоохранения не случайно озаботилось поднятием возрастной планки, потому что юношеский и даже детский алкоголизм – это одна из наших сегодняшних проблем. Доступность и относительная дешевизна алкогольных продуктов – это, к сожалению, не благо, а скорее недостаток, и меры, направленные на защиту молодежи от алкогольной угрозы, следует только приветствовать.

Е. Грачева: Я все равно слабо себе представляю. 17 лет – это возраст, когда дети оканчивают школы, 21 год – когда окончен институт. Можно себе представить студента высшего учебного

заведения, который не имеет право приобрести бутылку вина или пива? Не является ли это все же перебором? Они тогда будут идти на черный рынок, договариваться, и могут начаться реальные проблемы, потому что отследить, кто и что им продает, будет невозможно.

Митрополит Иларион: Вы, конечно, правы в том отношении, что человек, которому 20 лет или 21 год, это не юноша, ведь многие уже женятся в таком возрасте. Конечно, лучше, чтобы приобретался алкоголь в лицензированных магазинах или пунктах продажи, чем покупать из-под полы алкоголь неизвестного качества, который никак невозможно проконтролировать. Во всем, наверное, должны быть разумные балансы, но меры, которые направлены на ограничение потребления алкоголя, думаю, следует приветствовать, потому что для нашей страны эта проблема все еще продолжает оставаться актуальной.

Е. Грачева: Патриарх Грузинский Илия назвал ошибкой решение Конституционного суда о легализации марихуаны, заявив, что это крайне опасно, так как наркоманы из других стран приедут в Грузию и будут пользоваться этой свободой. Верховный суд Южно-Африканской Республики легализовал употребление марихуаны. Почему Церковь считает в России это дело запретным и опасным? Есть Голландия, а есть пример такой страны, как Швейцария, которая совершенно не производит впечатление страны, где много людей, злоупотребляющих наркотиками. Почему бы в России не собрать экспертное общество и не проанализировать с медицинской точки зрения, сравнить табак, алкоголь, которые выпускаются? А, может быть, действительно марихуана менее вредна, чем эта продукция?

Митрополит Иларион: Можно, конечно, собрать и экспертное сообщество, и провести конференции, исследования. Но не думаю, что легализация марихуаны – это то, что сейчас должно стоять на нашей повестке дня. У нас хватает проблем и без этого, хватает наркоманов, которых приходится лечить. Есть люди, которые умирают от передозировки наркотиков. Не то сейчас время, чтобы думать о легализации марихуаны, даже если это сделано в каких-то странах.

Вы упомянули Голландию. Я не считаю, что это лучший пример, потому что в Голландии много чего легализовано, но это не идет на пользу ни духовному здоровью людей, ни физическому. Если мы хотим, чтобы наш народ был здоровым, мы не должны выбирать худшие примеры для подражания, которые существуют сегодня в мире. Прежде всего мы должны заботиться о здоровье наших граждан, а это само по себе исключает любые мысли о возможной легализации того или другого наркотика.

Е. Грачева: В Русской Православной Церкви отпевают крещеных прихожан, умерших от передозировки наркотиками?

Митрополит Иларион: Каждый такой случай решается отдельно. В Православной Церкви не отпевают самоубийц. Если та или иная смерть трактуется как самоубийство, тогда человека не отпевают. Если по совокупности обстоятельств ее можно истолковать как несчастный случай, тогда с разрешения архиерея такого человека могут отпеть.

Е. Грачева: В Челябинске возбуждено дело церковного суда против священника, который принял от пенсионерки пожертвование на личные нужды в 600 тысяч рублей и потратил их на погашение ипотечного кредита. Сейчас поднимается массовое обсуждение, потому что пенсионерка хочет вернуть деньги назад и говорит, что ее вроде как обманули. Какая-то сомнительная история. Во-первых, какую силу имеет решение такой инстанции, как церковный суд? Насколько я знаю, уголовное дело не возбуждено в этой связи, потому что деньги переданы добровольно.

Митрополит Иларион: Мне не известны детали этой истории, но могу Вам рассказать, что такое церковный суд. Церковный суд – это учреждение, которое призвано разбирать разного рода нарушения, совершаемые священнослужителями. Эти нарушения могут быть канонического и нравственного порядка, и церковный суд в таком случае должен исследовать все обстоятельства дела, чтобы вынести соответствующее решение.

Каноническим правонарушением может быть, например, сослужение того или иного священника с раскольниками или же к каноническим правонарушениям относятся такие ситуации, когда, например, священник развелся с женой и живет с другой женщиной. Такой священник, как правило, должен быть лишен сана. Но прежде чем это произойдет, ситуацию исследует церковный суд.

Если говорить о каких-то безнравственных поступках, которые могут быть совершены священнослужителем, то это тоже подлежит юрисдикции церковного суда. Причем надо сказать, что в отличие от суда гражданского, который может вынести наказание в виде лишения свободы, в виде штрафа, церковный суд, конечно, может вынести только каноническое наказание – это либо временное запрещение в священнослужении, либо запрещение на длительный срок, либо даже лишение сана. И, собственно, наказание зависит и от самого проступка или преступления, и от степени его тяжести.

Е. Грачева: Владыка, как вообще в данном случае разделять пожертвование, которое человек вносит на строительство храма, на его содержание от того, что он лично жертвует священнослужителю?

Митрополит Иларион: Как правило, человек всегда говорит, на что он жертвует. Он может подойти к священнику и сказать, что хочет лично ему пожертвовать определенную сумму. И тогда

уже священник распоряжается этой суммой так, как ему подскажет совесть. Или же человек может сказать: я жертвую на храм, на цветы, на реставрацию икон. Значит, это конкретное, так сказать, целевое пожертвование, и любое нецелевое использование этих средств будет уже проступком со стороны священника, а, может быть, и преступлением, в зависимости от того, что это были за средства.

Е. Грачева: Согласно всероссийскому опросу 73 процента граждан поддержали идею о запрете использования смартфонов и других гаджетов в школах. Также эту идею поддержал и глава министерства просвещения. Что Вы думаете об этом? Поможет ли это в улучшении качества образования? Или приведет к тому, что школьники, лишённые этих гаджетов, будут все свободное время после школы проводить только в них и в соцсетях?

Митрополит Иларион: Зачастую проблема заключается в том, что школьники вместо того, чтобы слушать урок, сидят, уткнувшись в свои смартфоны, и занимаются совсем не тем, что от них требуется в соответствии с учебным планом. Думаю, что такое предложение как раз призвано решить эту проблему, и в нем, безусловно, есть рациональное зерно. Инициатива, наверное, исходит от учителей, но если родители ее поддерживают, это свидетельствует о том, что проблема серьезная и требует решения.

Е. Грачева: Не говоря уже о том, что сейчас смартфон – это определенный элемент статуса, дохода семьи, по которому можно судить о том, в какой семье живет ребенок. Я знаю ситуацию, когда, скажем, девочка стеснялась доставать телефон скромной марки, потому что у нее был не смартфон, и для того, чтобы поговорить по телефону, выходила из класса. Какие советы Вы бы дали родителям, к которым подходит ребенок с просьбой приобрести, скажем, десятый айфон и говорит, что без него он в школу просто не может идти, его вообще за человека сверстники считать не будут. Как переубедить ребенка, что ему такой дорогой гаджет не нужен?

Митрополит Иларион: В советское время в некоторых семьях, например, детям запрещали смотреть телевизор. И когда, допустим, в школе одноклассники обсуждали вчерашний фильм, ребенок, которому запретили смотреть телевизор, принять участие в обсуждении не мог. Не думаю, что это лучший метод воспитания. Вообще, запретительные меры нужны только тогда, когда все другие меры уже исчерпали себя. Ничего плохого в айфонах или самих гаджетах я не вижу. Другое дело, когда они начинают отвлекать от реальной жизни, от занятий. Здесь, конечно, требуются какие-то меры.

Актуальной проблемой современного общества является то, что не только молодежь и школьники, но и многие вполне зрелые люди живут в виртуальном мире и отдаляются от реальности: не проводят, например, время с семьей. Муж приходит с работы уставший, жена и дети ждали его

весь день, а он вместо того, чтобы заниматься семьей, включает компьютер и погружается в виртуальную жизнь, и семья оказывается без присмотра.

Компьютерная зависимость – это серьезная проблема, из-за которой сейчас распадаются семьи. И, конечно, я не думаю, что следует поощрять в детях такой уровень потребительства, когда ребенок будет требовать приобретение новой марки айфона в тот момент, когда она только появилась. Это может поставить родителей в сложную ситуацию, потому что они просто не в состоянии будут удовлетворить все потребности своего ребенка, а самое главное, это будет развивать в ребенке нездоровое потребительское отношение к самой жизни.

Е. Грачева: Владыка, я знаю, что у Вас тоже айфон. Мне интересно, Вы покупаете новую модель, когда она только выходит, или же ждете, когда все-таки цена упадет?

Митрополит Иларион: Я не покупаю айфон в тот момент, когда появляется новая модель. На настоящий момент я пользуюсь айфоном 8 плюс. Это не самый современный айфон, он довольно громоздкий, но меня на данный момент устраивает. Тем более, мне его подарили.

Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на сайт программы «Церковь и мир».

Вопрос: Вы часто говорите о необходимости часто причащаться, но как быть, если постоянно согрешаешь одними и теми же грехами, и стыдно каяться, потому что не видишь исправление своей жизни? Разве подходить в таком случае к чаше не будет причастием в осуждение?

Митрополит Иларион: Очень многие люди каются в одних и тех же грехах по той простой причине, что грешить свойственно человеку, и так же, как дурные привычки у каждого человека свои, грехи тоже у каждого человека свои. И мы не можем избавиться от них сразу после одной только исповеди. Мы вновь и вновь их повторяем.

Но тот факт, что мы повторяем наши грехи, не означает, что мы не должны исповедоваться и причащаться. Наоборот, как болезнь, которая требует длительного лечения, так и грех может требовать духовного лечения. И когда человек болеет, и ему приходится обращаться к врачу не один и не два раза, а много раз, точно так же и на исповедь мы приходим с неизменным постоянством, чтобы победить в себе греховные недуги. А к причастию мы приходим для того, чтобы соединиться с Богом.

Причастие и исповедь – это два разных Таинства. Мы причащаемся, потому что через причастие Бог входит внутрь нашего человеческого естества, Он соединяется с нами духовно и телесно. Мы причащаемся с осознанием своей греховности, но и с надеждой на то, что Бог, живя внутри нас, будет Своей Божественной благодатью исцелять нас, в том числе и от духовных болезней.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/47091/>